Никак не меньше

Автор:
Анна Тодд

Никак не меньше

Анна Тодд

Модное чтениеРоманы о Лэндоне #2

Лэндон пустился в опасную игру. Еще бы, когда столько соблазнов вокруг, очень трудно оставаться хорошим мальчиком. Ближайшие друзья – Хардин и Тесса – так увлечены своими чувствами, что не замечают ничего вокруг. Вот и приходится делать мучительный выбор самому. И что же победит: здравый смысл или страсть? И не придется ли Лэндону жалеть о своих поступках?

Читайте заключительную книгу серии о Лэндоне, в которой раскрывается последняя интрига романа «После»!

Анна Тодд

Никак не меньше

Для всех Лэндонов, которые живут ради других,

даже тогда, когда оно того не стоит.

Плюс вам в карму! <3

Anna Todd

NOTHING LESS

Copyright © 2016 by Anna Todd

Originally published by Gallery Books, a Division of Simon & Schuster Inc.

Фото автора © Photograph by JD Witkowski

Перевод с английского М. Казанской

Художественное оформление П. Петрова

Плей-лист Лэндона:

Years & Years, «Without»

Nelou, «Echo»

Halsey, «Ghost»

Zayn, «TiO»

Jess Glynne, «Take Me Home»

Arcade Fire, «Crown of Love»

Kevin Garrett, «Control»

John Mayer, «Assassin»

Bon Iver, «I Can’t Make You Love Me»

One Direction, «What a Feeling»

Emily Wolfe, «Never Let Me Go»

Ruelle, «War of Hearts»

John Mayer, «Edge of Desire»

Nick Jonas, «Chainsaw»

Zayn, «wRoNg»

The Weeknd, «As You Are»

One Direction, «Something Great»

Nick Jonas, «Unhinged»

Mads Langer, «Death Has Fallen in Love»

Mads Langer, «Last Flower»

Taylor Swift, «I Know Places»

Young the Giant, «Cough Syrup»

Zyan, «iT’s YoU»

Emily Wolfe, «Heavy»

One Direction, «Wolves»

Пролог

Не самое отдаленное будущее…

– Папочка, – во мраке спальни послышался детский писк.

Открываю глаза, включаю лампу, щурюсь от света.

– Аделина? У тебя что-то стряслось? – Сажусь, подоткнув одеяло под грудь и пытаясь прикрыть гениталии. Краем глаза кошусь на жену, ее голая спина торчит из-под одеяла. Спит она на животе, раскинув в стороны руки и ноги.

Дочка трет кулачком свои карие глазки.

– Уснуть не получается…

Ну, это не самое худшее.

– А овечек считала?

В последнее время она стала плохо спать, но я стараюсь особенно не волноваться. Врач говорит, для ее темперамента это типично, со временем пройдет.

– Да, – кивает малютка. – И пони тоже считала. Одну синюю, одну красную и ту желтую злюку.

– А что, желтая была злюкой? – спрашиваю с серьезным лицом.

– Ага. Она у синей пони печеньку отобрала.

Мама моей крохотульки зашевелилась во сне. Накидываю одеяло на ее голую спину – еще перевернется ненароком.

Гляжу на дочурку. Глазки у нее – точь-в-точь мои, и фантазерка она под стать мне. Весьма изобретательный ребенок для своих лет, даже немножечко чересчур. Постоянно вещает что-то про принцесс, гоблинов и всяких там феечек.

При ней любимый потрепанный мишка. Она носит его везде, куда бы ни направлялась. Ну, разве что кроме школы. Пару раз находил его в собственной «почтальонке», уже в самой школе, когда приходил туда на работу.

– Давай-ка запремся на кухне, и ты расскажешь мне, что было дальше? – целую ее ручку, пока она не успела ее отнять, и добавляю: – Жди меня там, я скоро приду.

Надо же натянуть хотя бы штаны.

Аделина выходит из комнаты, по пути озираясь то на спящую мать, то на меня, и спрашивает:

– А может, съедим печенюшечку, пока будем болтать?

Маленькая заговорщица. И постоянно думает, чем бы сладеньким поживиться. Папина дочка.

Бросаю взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Уже половина первого, а утром в школу вставать. Дочь у нас – первоклашка, а я – ее первый учитель. Не дело пичкать ребенка сладким, тем более посреди ночи…

– Папуль, ну пожалуйста.

Да все я понимаю. Ответственность и прочее… Через шесть часов вставать в школу, а я тут попустительствую сладкоежке. Мамаша меня утром прибьет, но только она и сама бы не устояла против этих коричневых глазок и мишки под мышкой. Скоро вырастет доченька – и поминай как звали.

Терпения ей не занимать. Она выжидает.

– Ну и мне одну захвати. Только выбери самую кроху, крохотную крохотулечку, хорошо? А я скоро буду.

С победной улыбкой дитя направляется на кухню. Похоже, она ни секунды не сомневалась, что я уступлю.

– Крохотулечку, не забудь, – говорю вслед с улыбкой.

Кивнув, она выходит из комнаты. Слезаю с кровати, беру с пола треники.

– Слабак, – доносится сонный голос жены.

– Ой, мы тебя разбудили? – с деланым удивлением спрашиваю я, натягивая треники.

Она переворачивается на спину и закидывает руки за голову, сверкая обнаженным торсом.

– Конечно, – отвечает с блаженной улыбкой.

– Трусиха, – поддразниваю я.

– Лопушок.

Сосредотачиваю взгляд на ее лице, чтобы не отвлекаться. Стоит залюбоваться ее голой грудью, и из комнаты я не выйду.

Одевшись, опускаюсь коленом на край кровати и нежно касаюсь губами жениного лба. Ее губы растягиваются в блаженной улыбке.

Из спальни прямиком иду на кухню и вижу: детеныш застыл с огромным печеньем и мишкой в свободной руке.

– Это называется «крохотная крохотулечка»? – поддразниваю я. Заглянув в холодильник, выуживаю бутыль молока.

Аделина смотрит на меня с шаловливой улыбкой. Из щербатого рта выглядывает кончик языка. Растет наш ребенок не по дням, а по часам!

– Я думала, ты сказал, «большую большулечку».

Хитрушка.

Глава 1

Лэндон

Я стою перед дверью с праздничным тортом в руках. Эллен у нас именинница. Нора уже собралась. Она прощается с Поузи и Лайлой и сует ноги в белые кеды. Кеды вполне спокойной расцветки, а вот носки у нее – чумовые, испещренные маленькими пиццами.

– Готова? – спрашиваю я, опуская торт на красный столик в прихожей, Нора кивает.

После того случая в ванной она не проронила ни слова. Не знаю, как теперь завязать разговор. Я согласился, что не буду пытаться ее изменить, что не буду выпытывать ее тайны и подносить ей сумки. Она много-много раз повторила, что совершенно для меня не годится, а стать такой, какая мне нужна, у нее не получится.

Да откуда ей знать, кто и насколько мне подходит? Я и сам-то понятия не имею.

Я знаю одно: мне с ней хорошо и хочется продолжить знакомство. Мы не будем спешить, ни к чему. Это как распаковывать лучший подарок – его всегда оставляешь под конец.

Подхватив со столика торт, выхожу в коридор, жму на кнопку. В гробовой тишине с мерным гулом ползет в нашу сторону лифт.

Открываются двери, и мы входим. Нора придвигается к дальней стене – в кабинке тесно.

Стараюсь не встречаться с ней взглядом. Я чувствую, что она смотрит, но не жаждет общения – наговорилась сегодня.

Я, конечно, держу торт, но в ладонях болезненно пусто. Руки жаждут чего-то другого. Может, им хочется Норы? Такое чувство, что когда она рядом, мое тело живет собственной жизнью.

Нора подносит пальцы к кончику своей косы, и я поднимаю на нее глаза. Только сейчас я заметил, что мы вошли, а лифт не тронулся. Не знаю, сколько мы так простояли.

Нора глядит на меня, словно изучает, словно старается докопаться до тайного шифра, подобрать ко мне ключик.

Меня подмывает сказать, что не я здесь секретничаю и нечего меня расшифровывать.

Вспомнилась прошлая ночь, когда мы остались с Дакотой вдвоем. У меня ничего не вышло, и я чувствовал себя виноватым. Помню, как был потрясен, когда зашел в ванную и никого там не обнаружил – бывшая смылась из дома по пожарной лестнице. Всего-то день прошел, а я уже с Норой и хочу узнать ее поближе.

Мне, видимо, тоже есть что скрывать.

– Он что, сломан? – спрашивает Нора, и меня на мгновение охватывает паника – мелькнула мысль, что она имеет в виду мой неисправный член.

Поняв, что она говорит про лифт, я чуть не прыснул от смеха.

– Без понятия. – Еще раз жму кнопку первого этажа. Лифт дзынькает, дверь открывается и закрывается. Кабинка приходит в движение, и я пожимаю плечами. Я что, кнопку забыл нажать?..

Мы добираемся до первого этажа, и я пропускаю Нору вперед. Ее локоть нечаянно касается моей руки, я делаю шаг назад, чтобы посторониться. На миг захотелось очутиться в другом измерении. В таком, где Нора – моя, и я могу

вдоволь ее обнимать. Там, где она будет мне доверять и делиться самым сокровенным. Она сможет смеяться, когда ей захочется, и ей нечего будет скрывать.

С каждым шагом по скучному зданию этот сказочный образ выветривается и блекнет.

– Я не купил Эллен подарок! – вдруг опомнился я.

Нора оборачивается и, замедлив шаг, ждет, когда я с ней поравняюсь.

– Думаю, самодельный торт и то, что ты решил уделить ей минутку, ценно само по себе. – Она вздыхает. – Лично мне бы такого хотелось. – И, отвернувшись, идет дальше.

От таких слов мой разум приходит в смятение, а у меня и без того полным-полно сумбурных мыслей.

– И при этом тебе не нравится отмечать? – спрашиваю я, особенно не надеясь получить ответ. Надежда, конечно, всегда остается – ну хотя бы маленькая, на самое поверхностное объяснение. На следующей неделе у нее день рождения, но она взяла с меня обещание, что я не буду по этому поводу суетиться.

В последнее время Нора постоянно что-то просит пообещать. Мы знакомы всего пару недель, а я уже с головы до ног опутан всевозможными клятвами.

– Не-а. – Толкнув дверь, она придерживает ее передо мной.

Я не стал докапываться, просто решил, что ей будет полезно услышать, как прошел мой самый лучший день рождения.

– В детстве мама всегда устраивала настоящее торжество по случаю моего дня. Мы праздновали неделю напролет, и она готовила мои любимые блюда.

Нора с интересом на меня посматривает. Мы уже подошли к угловому магазинчику. Мимо проходят влюбленные, взявшись за руки, и я вдруг начинаю задаваться вопросом, а были ли у Норы когда-нибудь серьезные отношения. Ей

уже двадцать пять, наверняка она с кем-то встречалась.

– Помню, мама каждый год пекла маленькие кексики. Наготовит полную гору и тащит в школу. Думала, это придаст мне весомости среди одноклассников, а получалось наоборот. Меня просто поднимали на смех. – Помню, в один год, мы были совсем тогда мелкими, к ее выпечке никто не притронулся. И только Дакота да ее брат Картер меня поддержали. Мы шли домой и уминали их, чтобы мама моя не подумала, будто кексики не понравились и день рождения не удался. Когда мы добрались до своего квартала, в пакете оставалось пять штук. Помню, мы положили их на бревно возле парка, где собирались наркоши и бродяги. Хотелось думать, что в тот день хотя бы у пятерых из них было не так пусто в животах.

– Я бы тоже не отказалась попробовать, – заявляет Нора, глядя куда-то вдаль.

Она так и не пролила свет на собственную неприязнь к этому празднику; впрочем, я особенно и не рассчитывал на откровенность. Просто захотелось с ней поделиться, не ожидая взаимности.

Нора открывает дверь в магазин, звякает колокольчик. Я вхожу следом и улыбаюсь при виде Эллен.

Глава 2

– Так много торта осталось… – говорит Нора, поднося ко рту пластиковую вилку.

На стол между нами сыплются белые крошки вперемешку с зеленой глазурью. По ходу, Эллен – не большая поклонница сладкого. Она жалуется, что подростки разучились дарить цветы, и я мысленно жалею, что не додумался захватить букетик. Хотя в глубине души не пойму, как человек может недолюбливать выпечку.

Хоть она и брюзга, компашку мы ей составили знатную. Как ни пыталась она скрыть улыбку, а не удалось, и мы втроем на славу повеселились. Нора перевернула табличку на двери, и мы спели «Happy Birthday». Как выяснилось,

мне на ухо наступил медведь. И все же, пусть без музыки и без свечей, но мы сумели продемонстрировать Эллен, что есть на свете друзья, которые не забыли про ее день рождения.

Нора поймала на телефоне попсовое радио, и девчонки от души поболтали. Не думал, что Эллен такая словоохотливая. Импровизированная вечеринка продлилась всего полчаса, а после именинница заволновалась, что магазин слишком долго закрыт, и ушла. Впрочем, наверное, ей просто надоело о себе рассказывать.

– И еще немножко за друзей. – Хватаю со столика вилку и втыкаю ее в угол торта. Нора сидит на соседнем стуле, подогнув под себя одну ногу. Крохотные ломтики пиццы у нее на носках такие вычурные и такие забавные. – А в чем фишка? – спрашиваю я, тронув ее за носок.

Она проводит языком по губам.

– Жизнь слишком коротка, чтобы мучить себя унылыми носками.

Пожав плечами, Нора отправляет в рот кусок торта на вилочке.

Опускаю взгляд на свои носки. Белые, посеревшие на носах и пятках. Гадость. Ску-ко-ти-ща. И связаны в форме трубы. Такие никто и не носит.

– Что это, жизненный принцип?

– Ну да, среди прочего, – с набитым ртом отвечает Нора.

У нее губы в глазури, и мне хочется протянуть руку и стереть глазурь пальцем, как в старых комедиях про влюбленных. Нора прослезится, у нас сразу бабочки в животах запорхают, и она прильнет ко мне.

– У тебя на губах глазурь, – заявляю я в пику романтике.

Она отирает рот большим пальцем, однако часть глазури остается нетронутой.

– А ты не хочешь помочь? Идеальная сцена для поцелуя, как в фильме.

У дураков мысли сходятся. Пустячок, а приятно.

– Я как раз об этом подумал. Если бы все было в кино, я протянул бы руку и вытер глазурь.

Ее перепачканные губы расползаются в улыбке.

– А потом стал облизывать палец, а я смотрела бы, как расходятся твои губы.

– А я бы наблюдал, как ты смотришь.

– А потом, когда ты закончил облизывать, я вздохнула бы, и мы смотрели бы друг на друга, не сводя глаз.

В животе затрепетало.

– А потом у тебя в животе запорхали бы бабочки.

– Злые дикие бабочки, от которых сносит крышу.

Она смотрит мне прямо в глаза и улыбается. Нереально красивая.

– Тогда я сказал бы, что пропустил одно пятнышко, и опять бы склонился к тебе. А у тебя заколотилось бы сердце.

– Оно бы так быстро стучало, что ты бы услышал.

– Оно бы так быстро стучало, что я бы услышал, – вторю я как зачарованный.

Ее грудь медленно поднимается и опадает.

– Я дала бы послушать.

– И тогда ты прикрыла бы глаза, как всегда, когда я прикасаюсь…

Для нее это полная неожиданность. Видимо, она ни о чем таком даже не подозревала.

Нора говорит, а я не свожу глаз с ее губ, гадая, о чем она думает.

– Я обняла бы тебя, притянула к себе и провела языком по губам.

Кровь застучала в ушах. Перевожу дыхание. Нора придвигается ближе.

– Я тронула бы тебя губами. Поначалу легонько, почти незаметно. Потом развела бы их языком и поцеловала тебя.

Из-под полуопущенных век она глядит на мой рот.

– Ты целовал бы меня в ответ, как никого до меня и как никто до тебя. Словно в первый раз. – Она переходит на шепот.

Мне нельзя ее целовать. Я склоняюсь чуть ближе, нас разделяют какие-то дюймы.

– Ты никогда еще не целовалась. – Она так близко, что обдает своим дыханием мое лицо. – Так, как со мной. Ты забудешь все поцелуи, что были до меня, все прикосновения. Все до одного.

Я делаю вдох, и она перехватывает поцелуем мой выдох. На ее губах вкус глазури. Язык такой теплый во рту. Она жадно хватает меня за голову, привлекает к себе, тянет за волосы.

Опираясь ногами о пол, я обхватываю ее и привлекаю к себе, приподнимая со стула. Она садится мне на колени, расставив ноги по обе стороны от меня. И целует так, как никто никогда меня не целовал, и я правда хочу забыть все поцелуи, что были прежде, все до последнего.

Она нежно закусывает мне губу и начинает ритмично раскачиваться. Я под ней уплотняюсь, твердею. Удивительно, мне нисколько не стыдно. Нора почувствовала меня, это стало ясно по резкому вздоху и тому, как обвились ее руки вокруг моей шеи. Она чуть сместилась, устроившись так, чтобы упираться в

меня своим естеством. У нее тонкие трусики, а мои треники уже ничего не скрывают.

Раскачиваясь, она стала тереться промежностью о мой напряженный член. Я не в силах сдержать стон. Мы идеально сливаемся, и даже одежда совсем не помеха.

Черт, пронеслось в голове, она целует мне шею. Она чувствует в точности, где целовать, где лизнуть, присасывается у основания. Я беру ее бедра и нежно сжимаю, направляя туда, где мне хочется, чтобы она поерзала.

Она двигает бедрами чересчур сексуально. Просто богиня, ни отнять, ни прибавить. А я – настоящий счастливчик, которому выпал подобный момент. Что-то есть в этой кухне такое, что сводит с ума. Однозначно, не так я собирался провести этот вечер.

Не сказать, чтобы я был недоволен таким поворотом.

Нора отцепляется от моей шеи, не прекращая раскачиваться на моем члене.

– Боже, ну почему так совпало, что ты – сосед Тессы?! – Она снова впивается в мою кожу и умолкает. Я стискиваю ее бедра. – Если бы ты с ней не жил, я бы тобой овладела.

Она так сексуальна, открыта и сводит с ума… Я слетаю с катушек.

– Давай притворимся, что я – не сосед Тессы, – предлагаю на полном серьезе.

Она смеется.

– Боже, Лэндон, я сейчас кончу. – Голос у нее стал гортанный и чувственный, я не в силах дышать, а она разошлась, движения размашистые.

Подхватив Нору за спину, пытаюсь тихонько ее унять, чуть умерить пыл, снизить скорость. Еле сдерживаюсь, я готов к ней присоединиться. Гоню лишние мысли, не хочу запороть такой классный момент. Мне надо лишь ощущать ее, чувствовать, довести до оргазма и слиться с ней в благодати.

– Я тоже, уже совсем скоро, – шепчу я, уткнувшись ей в шею. Хотел бы я, как она, владеть словом и возбуждать лишь рассказами. Я целую ее в то место, где встречаются шея с плечом, сам толком не зная, что делаю, но, судя по звукам, она еще раз кончает, а значит, я все сделал правильно.

В голове помутилось, все мысли погасли, остались одни ощущения. Нора здорово пригасила рассудок, заставила его замолчать, и от этого просто здорово. С ней немыслимо хорошо, она всюду: внутри и снаружи, на мне и в моем суматошном мозгу.

Она успокаивается и затихает, кладет голову мне на плечо, и я чувствую, что между нами мокро, но каждому по-любому плевать.

– О-о, это было… Я просто…

Тут ее речь прерывается. В прихожей хлопнула дверь.

– Лэндон? – Наше тяжелое дыхание перекрывает голос Тессы, и эйфория внезапно испаряется.

– Черт, – бормочет Нора, соскакивая с меня. Она теряет равновесие, и я поддерживаю ее за локоть.

Я встаю, и ее глаза останавливаются на моей промежности. Там большое мокрое пятно.

– Иди.

Я торопливо ковыляю в ванную. Тесса заходит на кухню, а я тем временем исчезаю в дверном проеме. Пытаюсь слинять, но она меня останавливает. Хорошо, что я стою к ней спиной.

– Эй, я пыталась тебе дозвониться, – говорит она.

Как же не хочется поворачиваться. Да просто нельзя этого делать.

– Хотела спросить, не сможешь ли ты занести мне на работу сменные туфли. Там один посетитель опрокинул мне на ноги заправку для салата, а сегодня работать допоздна.

Даже не глядя на нее, понятно, что она расстроена, а я сейчас не в том состоянии, чтоб кого-нибудь утешать. Ищу глазами, чем бы прикрыться. Под руку попадается спасительная коробочка хлопьев.

– Да ладно, бог с ним, – говорит Тесса, немного взбодрившись. – А вы тут чем занимались?

Схватив пачку хлопьев, прикрываю свой пах и разворачиваюсь к Тессе лицом. Ее глаза тут же останавливаются на коробке. Я крепко в нее вцепился.

– Мы тут… – Спешно подыскиваю слова и молю бога, чтобы коробка не выскользнула из моих судорожно сжатых пальцев.

Тесса переводит взгляд на Нору, затем на меня.

– Эй, я спрашиваю, чем вы тут занимались? – повторяет она в наивном неведении.

Я уповаю на Нору, однако та молчит. Нас стремительно тянет ко дну, и единственное спасение – монструозная коробка в моей руке.

– Мы это… – начинаю я, хотя в мыслях полнейший разброд. Тесса застыла в дверях в заляпанных майонезом туфлях. Уж лучше щеголять заляпанными туфлями, чем кое-чем другим… – Мы тут готовили.

– Готовили? – Тесса смотрит на Нору с непроницаемым выражением лица.

Нора делает шаг вперед.

– Ну да, курицу… – Она переводит взгляд на меня. – С хлопьями? – В ее голосе сквозят вопросительные нотки, что, боюсь, не укроется от внимания Тессы. – Вместо панировки. Знаешь, как делают панировку из глазированных хлопьев? Ну вот, я хотела попробовать что-то подобное.

Я и сам ей чуть не поверил, а уж про Тессу и говорить не приходится.

Нора меж тем продолжает:

– Тебе надо опять на работу? Так, давай-ка подыщем тебе другие туфли.

И они отвлеклись. Я радостно улепетываю, бросив через плечо что-то вроде: «Я скоро вернусь».

Боже, как стыдно. Неловкая ситуация. Ну почему в моей жизни вечно полно приключений?.. Благодарю небеса, что Нора оказалась отменной врушкой, и скрываюсь в коридоре, унося злосчастную пачку хлопьев.

– Что это с ним? – раздается мне вслед. Не знаю, что ответила Нора, меня уж и след простыл.

Глава 3

В спальне тихо.

Здесь стало тесно. Может, стены на меня давят после неловкой ситуации с Норой? Впрочем, теперь мне не так уж и стыдно. По крайней мере, косячили мы на двоих.

Нарвались на приключения.

Я до сих пор чувствую ее на себе, чувствую, как она движется, подгоняемая желанием. До сих пор в ушах стоят ее стоны, а на коже сохраняется тепло от ее жарких вздохов.

В спальне будто бы стало жарче.

Отхожу от двери, направляюсь к окну. На столе беспорядок. Стопки книг и липучие отрывные листки захламляют деревянную столешницу. А может, и не деревянную – стол из «Икеи», я отдал за него меньше сотни баксов. Барабаню пальцем по столешнице из якобы «темного дерева» и слышу внутри пустоту. Так я и думал, подделка.

Пальцы дрожат. Я отдергиваю шторы, и взгляду предстает окно. На подоконнике облетевшая краска, пыль, лежит дохлая муха. Видела бы Тесса – ее бы передернуло. Мысленно ставлю зарубку: на неделе прибраться в комнате. Дергаю за упрямую деревяшку, она подается с трудом, наконец приподнимаю раму, и в комнату вливаются мерные звуки города. Мне нравится, как шумит Бруклин. Машины, голоса пешеходов, идущих по тротуарам. Без перебора, все в меру. Здесь даже таксисты не гудят, как на Манхэттене. Никогда не понимал моды срывать злобу при помощи автомобильного гудка. Они что, думают, если будут так зверски шуметь, пробка сразу же рассосется? Нелепо.

Забывшись случайными мыслями, я на время отвлекаюсь от того, что недавно произошло у нас с Норой. Впрочем, нет, я опять об этом задумался. Как так вышло? Вот мы разыгрываем сцену из фильма, и вдруг она уже сидит на мне? Стащив с себя мокрые брюки и «боксеры», я бросаю их в бельевую корзину, стоящую возле шкафа.

Переодевшись, усаживаюсь на кровать, поближе к окну. Телефон стоит на зарядке на ночном столике. Протягиваю руку, набираю номер.

Хардин отвечает со второго гудка.

– Не пытайся меня отговаривать, слишком поздно. Я буду в пятницу.

Я закатываю глаза.

– Привет. У меня все нормально. Спасибо, что спросил.

– Я понял. Чем выручить тебя, брат, в этот славный вечер? – спрашивает Хардин, стараясь перекричать завопившую автосигнализацию.

– Ничем. У меня тут вышла одна история… – Не знаю, как рассказать ему и почему вообще я решил его к этому подключить.

Он смеется.

– Что ж, начинай.

Я вздыхаю в трубку и прислушиваюсь к звукам в квартире. С кухни доносятся приглушенные голоса Тессы и Норы.

– Короче, ты знаешь Нору, подругу Тессы? Когда вы познакомились, ее звали София, но Тесса говорит, что для друзей она просто Нора. Хотя ты все равно, наверное, не запомнил.

Боюсь, я говорил слишком громко. Впрочем, я вот не могу разобрать, о чем совещаются дамы на кухне, так что, надеюсь, им тоже не слышно.

– Вроде помню.

– В общем, мы с ней сейчас переспали. – Тяну за шнурок, поднимаю жалюзи. – Ну, не сказать, чтобы полностью, но очень близко к тому.

– Ну и? – «Ну и?» А какой еще реакции ждать от Хардина?

Перехожу на предельный шепот.

– В том-то и дело. Нора раз сто мне сказала, что мы будем друзьями, и мы сидели и разговаривали как обычно, и вдруг она уже у меня на коленях, кончает, и сразу же возвращается Тесса, и я теперь в комнате, обосрался от страха и не знаю, как перед ними появиться и что сказать.

– Ого! Тесса заходит и видит телку? А та прыгает на тебе? Да, теперь не отвертишься. Стой-ка, ты трахал ее на стуле? Или она просто скакала на тебе, пока не кончила? – ненавязчиво интересуется Хардин. У него не рот, а помойная яма.

– Второе. Ну, у нас не было секса как такового, когда один предмет входит в другой…

– Реально? – Во вроде бы ровном голосе сквозит неуловимая смешинка. – Как у тебя язык повернулся такое сказать? Может, покажешь на манекене, какие места она трогала?

– Похоже, зря я позвонил. – Я вздыхаю. Откинувшись на кровать, смотрю в потолок, где вращается вентилятор неясной расцветки.

Видимо, Хардин понял, что переборщил, и немного сбавляет обороты.

– Ну, так она тебе нравится? В смысле, в чем проблема? Ты свободен, она свободна. Так?

Тут надо немножко подумать. Я свободен?

Да. Мы с Дакотой не встречаемся уже несколько месяцев.

Конечно, нельзя игнорировать тот факт, что она здесь вчера появилась.

Боже, какой я кретин. Надо обязательно рассказать Норе, что Дакота пока при делах. Это поступок правильного человека, а я – правильный.

– Мы оба свободны. Правда, вчера вечером приходила Дакота.

Как гадко сейчас признаваться.

Ведь я ж не такой.

Совершенно не такой.

– Фу, гадость! И Далилу успел обработать? Что там у вас за содом?

Я не стал его поправлять, не до того мне сейчас.

– Сам не знаю. Только Тессе не говори. Нет, правда, у нее и так хлопот по горло, да и Нору плющит при мысли о том, что Тесса узнает. Серьезно. Вот пусть как угодно, хоть голая у тебя выспрашивает, притворись, что ты совершенно не при делах.

– Если она будет голая, то я ничего не обещаю.

– М-м.

– Ну ладно, ладно. Буду молчать как партизан. Ты еще не спрашивал, какой у нее график?

Нет. Потому что я – соплежуй.

– Не спрашивал. Она постоянно на работе… Ах да, хочу кое о чем предупредить, чтобы тебе крышу не сорвало. – Делаю многозначительную паузу.

– Ну что? Говори же! – торопит друг, и я чувствую, что в уме он уже подготовился к самому худшему.

– Нет, сначала обещай молчать, – настаиваю я.

Хардин фыркает от нетерпения.

– Да обещаю я, обещаю.

– Ты помнишь того официанта, которого мы повстречали на озере? Вы еще с Тессой все время скандалили. Вспомнил?

– Мы не все время скандалили, – уточняет он с легкой обидой в голосе. – Ну, вспомнил, так что с ним не так?

– Он объявился.

– У тебя на квартире? – В его голосе звучат угрожающие нотки, и я уже начинаю подозревать, что, может, и не стоило заводить этот разговор.

– Да нет же. В Нью-Йорке. Они вместе работают.

Хардин вздыхает, и я могу лишь гадать, что написано у него на лице.

– Ну и они… э-э… встречаются или что?

Я помотал головой, хотя он меня и не видит.

– Да нет, ничего подобного. Просто хотел тебе рассказать, чтобы ты, ради собственного же блага, не устраивал сцен. Надо показать Тессе, что ты взрослеешь и прочее.

А еще потому, что я не хочу, чтобы эта дикая Хесса спалила мне квартиру. А то устроят войнушку в стиле Второй мировой, это мигом у них. Конечно, если они ее все же спалят, то можно больше не опасаться подобных ситуаций, когда мы с Норой снова окажемся вместе на кухне…

– Взрослею? Да я взрослей некуда. Баклан.

– Да, это чувствуется по твоему обширному лексикону, баклан, – передразниваю дружка.

– Слушай, чувак, я, конечно, рад, что ты там лизался и не полностью трахался с Наоми, Сарой, или как там она решит называться через неделю, но мне вот-вот должны позвонить.

Я не выдержал и заржал, очень уж мастерски он нанизывает словечки.

– Ладно, чел, спасибо за помощь.

– Если тебе действительно хочется все это обсудить, то я могу перезвонить тебе чуть попозже. Хочешь?

Я даже присел от неожиданности.

– Не, мне полегчало. Надо, наконец, выйти к ним и дать женщинам отплясаться.

– Ага, вруби им метальчик.

– Иди ты.

На этом он дал отбой.

Глава 4

Когда я решаюсь выглянуть из своего убежища, Тесса уже ушла – ей надо было срочно возвращаться на работу. Нора сидит на диване, опустив ноги на кучу подушек и откинувшись на кожаную спинку. В ее руках – пульт от телика.

– А Тесса ушла? – спрашиваю так, как будто бы вовсе не стук входной двери заставил меня покинуть укрытие.

Нора кивает, переключая каналы. На меня даже не смотрит. Между прочим, она тоже сменила брючки. У нее что, были с собой про запас как раз на подобный случай? Предвидела, что я измочу ей одежду? Хорошо бы.

У меня учащается пульс. Я стараюсь отвлечься от мыслей о том, что мы делали с Норой, пока нас не застукала Тесса.

– Думаешь, она нас раскусила? – Эх, а я-то надеялся быть немножечко потактичнее, но, как видно, у моего языка на этот счет были другие планы.

Не убирая пальца с кнопки, Нора мельком бросает взгляд на то место в дверном проеме, где я стою, и говорит, глядя словно бы сквозь меня:

– Надеюсь, что нет. – Она умолкает и делает глубокий вдох. – Слушай, Лэндон… – начинает она таким тоном, словно намерена со мной распрощаться. А жаль, мы толком еще не поздоровались.

– Подожди, – опережаю ее, пока она не лишила меня последнего шанса. – Мне, в общем, понятно, но ты не спеши. Тон у тебя и глаза такие – тут все ясно без

слов. Ты ведь на меня даже не смотришь.

Нора переводит на меня взгляд, и я, отделившись от косяка, подсаживаюсь к ней. Приподнявшись, она садится на скрещенные ноги, хватает рукой подушку – ту самую, которую подарила мне мать Кена прошедшей осенью, устраивает ее на коленях.

– Лэндон, – на выдохе начинает она. В ее устах мое имя звучит с небывалой нежностью. – Я не совсем…

– Не надо. – Я перебил ее – да, грубо, но что поделаешь, надо во что бы то ни стало переломить ход событий. – Ты сейчас начнешь вешать, что не стоит мне с тобой связываться, что ты недостойна и прочее. Так вот, не прокатит. Сейчас ты мне все объяснишь, и мы решим вместе, как нам поступить.

Вот так! Наконец я доволен собой – высказался. Чувствую себя истинным мужиком. Пара волос на груди теперь точно проклюнется.

– Ничего тут не поделаешь. У нас нет перспектив. У меня и в мыслях не было начинать новые отношения.

Удивительная прямота. Обычно в фильмах или романах, когда происходят неловкие разговоры, человек то и дело отводит взгляд, или ногти покусывает, или еще что-нибудь в том же духе.

Но Нора!.. Она такая смелая. Глядит мне в глаза, и мне от этого даже не по себе. Весь запал сразу как-то исчез, волосы на груди съежились, во рту пересохло.

Она что-то сказала про новые отношения. Так что у нее было в прошлый раз, до меня? Я знаю прекрасно, что на этот вопрос она мне не ответит, но все равно спрашиваю:

– А давно у тебя кто-то был?

Она прищурилась, однако взгляда не отвела.

– Непростой это разговор…

– Жизнь вообще непростая штука.

Улыбается.

– Давай, выкладывай. Ну, пожалуйста. – Включил все свое обаяние.

– Тебе это лучше не знать.

Обидно. Я невольно нахмурился.

– А почему?

Она прикрывается подушкой, будто щитом. Помню, с какими словами бабуля, мать Кена, подарила мне эту подушку. Она сказала, что купила их две – для меня и Хардина. Кен в тот же день пошел выносить мусор и нашел одну из них в баке. Красивенькую такую, сине-желтую подушечку. Я свою взял на память и храню как зеницу ока. Я почему-то уверен, что когда-нибудь и Хардин дозреет до такого подарка, и тогда Кен вернет ему то, что он выбросил.

Нора не отвечает, а мне отчего-то становится жутко.

– Ну? Говори, почему ты не хочешь, чтобы я о тебе что-то узнал? Я же нравлюсь тебе. Нет, я, конечно, не Аполлон, но такие-то вещи способен заметить. Что тебя сдерживает?

– Да просто тогда я тебе разонравлюсь. Если уж ты так упорно решил докопаться, то имей в виду: результат тебя не порадует.

Нора встает, отшвырнув подушку к дивану. Та падает на пол, и мы молча сидим, не делая попыток ее поднять.

– Я ведь тебе сразу сказала: ни к чему хорошему это не приведет.

Я упорно не вылезаю из кресла. Стоит мне сменить позу, Нора обязательно среагирует: шлепнет меня или поцелует – не важно, я хотел бы любого контакта, но пока что нельзя. Надо хотя бы раз нормально поговорить.

– Если бы ты мне сказала, что происходит, мы бы вместе придумали, как тут быть.

Она молча глядит на меня, и от ее взгляда во мне просыпается дерзость.

– Вот поражаюсь я людям. Все молчат, что-то держат в себе. Ты скажи, поделись тараканами, а мы уж посмотрим! Ведь не все же так тупиково?.. Выход есть из любой ситуации. Я не какое-нибудь динамо, побаловаться и бросить.

Встаю, делаю шаг навстречу.

Она пятится.

– Нора, у меня нет злого умысла, я просто хочу стать поближе. Поверь мне. Хотя бы попытайся.

– Ты понятия не имеешь, кто я и что. Ты заметил меня две недели назад, а до тех пор меня даже не существовало.

У нее сами собой сжимаются кулаки, она приближается на пару шагов.

– Не существовало? – Какая нелепица!

Фыркнув, она продолжает:

– Да ты, кроме Дакоты своей, никого не замечал. Не знаю, о чем вообще разговор. Мы – друзья, и не больше.

– А как же…

– Засунь свое «а как же» в одно место! – вдруг кричит она. – Надоело уже! Все вокруг твердят: делай то, делай другое. Советуют, что мне чувствовать, как поступать!.. Сказала друзья, значит, друзья! Если я скажу, что не хочу тебя больше видеть, значит, мы не увидимся. Я сама принимаю решения, и не надо тут мнить себя психиатром. Я вообще с тобой разговаривать не обязана. Никому не захочется заливать себе в уши потоки дерьма. Да еще чужого!

– Мы с тобой не чужие. Ты, конечно, можешь внушать себе, но я все равно тебе не чужой. – Она упорно возводит стену, а я упорно стремлюсь сквозь нее проломиться. Нет, никакой я не психиатр, просто у меня нет проблем с тем, чтобы выговориться.

– Неужели?

– Да, так! – перехожу на крик и я, но скорей ради шутки. Не получилось. Как только мне стало ясно, что злится она из-за собственной беззащитности, я понял, что совершенно не могу на нее разозлиться. Тут что-то такое, в чем с ходу и не разберешься.

– До того, как сюда вселиться, ты сколько раз меня видел? – спрашивает она.

А это еще здесь при чем?

И, не дав мне и слова сказать, она продолжает:

– Только подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

Ну, видел ее раз-другой. Кен знаком с ее отцом.

– Ты приходила домой к моей маме. Мы как-то обедали…

Она засмеялась, хотя ей совсем не до смеха.

– Вот видишь?

Не получается отвести взгляд, а хотелось бы.

– Восемь раз, – прерывает она затянувшееся молчание. – Мы виделись целых восемь раз.

– Не может быть! Я бы запомнил.

– Что, правда? А помнишь, мы говорили про Хардина, и выяснилось, что я его не знаю? А я надеялась, ты помнишь. Он же при мне впечатал тебя в стену в гостях у родителей. Даже кулак занес. Хотел вмазать тебе, но не смог. Слишком любит тебя, дурачина. А перед этим за пару дней мы сидели на кухне, и ты рассказывал что-то про колледж. Ты еще надеялся, что Тесса поступит в ваш универ. Ты был в синей рубашке, а в глазах – золотинки, как медовые хлопья. От тебя пахло сиропом. А потом мама лизнула палец протереть тебе щеку, и ты покраснел. Я помню все до мельчайшей подробности. И знаешь почему?

Я молча таращусь.

– Ну, спроси почему! – орет Нора.

– Почему? – Чувствую себя полным кретином.

– Потому что я обращала внимание. Я всегда очень внимательна ко всему, что с тобой происходит. Милый, сладкий, обожаемый мальчик. Носится за девочкой, которая его не любит. Помню, как ты прикрываешь глаза, когда пьешь вкусный кофе, и как было приятно возиться на кухне с твоей мамой, и как вы с отчимом болели за какую-то команду, уставившись в телик. Мне казалось, – Нора вдруг умолкает и обводит комнату взглядом, – у меня промелькнула мысль, что ты тоже за мной наблюдаешь. Так нет, неправда, ты просто отвлекся на время, чтобы не вспоминать про Дакоту, эту стервозную дрянь, кстати сказать.

– Она не дрянь, – выдает в ответ мой дебильный рот.

Ее глаза закрываются, медленно открываются снова.

– Меня слушаешь, а думаешь о другом? Как бы кто не обидел Дакоту? Да ты ее толком не знаешь! С тех пор как она поселилась в Нью-Йорке, Дакота дает каждому встречному-поперечному. А тебе твой восторг глаза застилает.

Каждым сказанным словом она будто гвозди в меня вбивает. Я окончательно скис. За последние пять минут столько всего было сказано – дай бог разобраться.

– Она… она не такая, – мямлю в ответ.

Нора испускает тяжелый вздох и горестно качает головой. Молча подходит к двери, сует ноги в кеды. Я тоже не нахожу слов.

Она выходит, а я, замерев посреди комнаты, смотрю ей вслед. Если бы все это происходило в кино, я бы бросился за ней и все объяснил. Я был бы героем и подобрал бы слова, чтобы смягчить ее боль и обиду.

Но мы не в кино, и я не герой.

Глава 5

Прошло пять дней, а от Норы ни весточки. Пять дней она не выходит у меня из головы. А еще не выходят из головы ее слова. Зачем она так, сгоряча? И откуда такая жгучая ненависть?

Тесса обмолвилась, что вчера они вместе работали в ночную смену, Нора ходит, словно в воду опущенная, лишнего слова не вытянешь. Тесса не знает, в чем дело, просто заметила странность.

Словно в воду опущенная? Из-за меня?

Вряд ли.

А я ведь действительно ее мало знаю. Может, и правда, если мы познакомимся ближе, она мне совсем не понравится? Она так быстро рассвирепела. В какой-то момент мне даже захотелось назвать ее не Норой, а Софией. С Софией я не был знаком – по крайней мере, не так близко, как с Норой. Если научиться их разделять, то жизнь станет проще. Так что, наверное, стоит признать, что девушку эту я совершенно не знаю, и снова воспринимать ее как Софию.

И все же горько, что она думает, будто я не обращал на нее внимания, думая лишь о Дакоте. Все совершенно не так. Когда мы повстречались с Норой, я был в Дакоту влюблен, и мне не приходило в голову обращать внимание на кого-то еще.

Да, я знал, что у нас жутко красивый шеф-повар, что она взрослее меня и в мою сторону даже не посмотрит. А теперь, в другом городе, она для меня уже Нора, неотразимая и непостижимая подружка Тессы, которая наговорила обидных вещей про мою бывшую… и на которую я запал.

Ну, запал – смело сказано, но то, что она мне интересна и меня к ней очень, очень влечет – это факт. Она же, напротив, ко мне охладела и практически послала на три буквы. Да еще плюс к совету не совать нос в чужие дела дала понять, что Дакота мне изменила, причем не один раз.

При этой мысли опять защемило внутри. Не знаю, потребовать с Дакоты объяснений или не стоит. Еще не решил, хочу ли знать правду. Отчасти мне думается, что Нора бросила обвинение в порыве злобы, пытаясь посильнее меня уязвить. Правда, должен признать, надежда эта совсем слабенькая, и мне стоит огромных усилий и умственных выкрутасов, чтобы не принимать сказанное близко к сердцу. Может, она делала ставку на мои комплексы, да только я чувствую, что все это правда.

Голос Тессы выводит меня из задумчивости.

– Ты опять все белье перестирал?

Я опускаю на пол стопку выстиранных полотенец и оборачиваюсь. Она стоит в коридоре, сияя своим ослепительным галстуком цвета лайма.

– Да вот решил помочь тебе по дому. По квартире.

Открываю кладовку, и Тесса облокачивается о стену с явным намерением поговорить. На ней праздничный макияж, глаза с черной подводкой, губы излучают лоснящийся блеск. Давненько она так не красилась. Ее и без макияжа дурнушкой не назовешь, а сегодня, впервые за несколько месяцев, у нее к тому же приподнятое настроение.

Хардин прилетит с минуты на минуту, и закрадывается подозрение, что между ними что-то происходит. Я думал, она расстроится, узнав о его приезде, однако этого не случилось. Напротив, даже походка ее стала словно легче.

– Мне вполне хватает твоей помощи по хозяйству. Ты же знаешь, я люблю прибираться.

– Ну да, – соглашаюсь я без особого энтузиазма.

Эта крохотная кладовка, затерявшаяся посреди коридора, вообще ни на что не годится. Три тесных полочки, да нижняя секция, где, кроме пылесоса и швабры, уже ничего не поместится. Кое-как впихиваю полотенца и, что бы они вновь не вывалились, прижимаю дверью. Они все равно выпадают, и мне снова приходится нагибаться и поднимать их с пола.

– Что-то я разнервничалась. Это нормально? – робко интересуется Тесса. – Мне ведь не о чем волноваться, да?

– Вполне естественно нервничать в такой ситуации. Я тоже не нахожу себе места.

Засмеявшись, хотя мне сейчас не до смеха, я заталкиваю полотенца в кладовку, свернув их как можно плотнее.

– Ты сильно не переживай. Если что, переночуешь у Софии, она приглашала тебя на выходные.

Странно как-то называть ее снова Софией, мне просто больно вновь услышать имя Нора.

– Вообще-то да, – соглашается Тесса. – К тому же я все равно в выходные работаю.

Не представляю, что ждет нас в ближайшие пару дней. Тут одно из двух: либо они помирятся и будут ходить, взявшись за руки, либо спалят всю квартиру к чертям. Хардин по этому делу мастак, но и Тесса успела нахвататься. С нее станется.

– Он поймал такси. Через час будет здесь, плюс-минус, учитывая пробки. – Закрываю дверь, бросаю взгляд на Тессу. В груди закипает паника.

Пустое дело сейчас пытаться ее увещевать. Как же, ведь ОН приезжает!.. Надо было сказать ему, чтобы снял номер в гостинице, тут их по городу не перечесть. Тесса – мой лучший друг, следовало как-то наставить Хардина на путь истинный. Хотя какое там! Его и огнем от этой женщины не отпугнешь, любые усилия будут тщетны.

Потираю шершавую поросль на подбородке.

– Эх, не к добру это. Не стоило мне соглашаться.

Тесса отводит руку от моего лица.

– Не парься, – отвечает она, устремив на меня пристальный взгляд. – Я большая девчонка, справлюсь. И ваш Хардин Скотт мне вполне по зубам.

Да уж, кому и справиться с ним, как не ей. Это, пожалуй, единственный человек во вселенной, в чьих силах обуздать нашего бунтаря. Тревожит другое. Как показывает опыт, обуздание всегда связано с насилием. Они мне такую войнушку устроят! Представляю… По одну линию фронта – Тесса с саблей наголо, за ней – армия кексов под предводительством Норы. По другую сторону – Хардин с непроницаемым лицом. Одиночка, готовый переехать на танке любого, кто встанет у него на пути. И где-то посередине – я, бегаю с белым флажком, пытаюсь их утихомирить, хотя знаю, что кровопролитие неизбежно.

Я плетусь следом за Тессой в гостиную, чтобы убрать оставшееся белье.

– А этот, сама знаешь кто, появится на выходных? Не берусь предсказать, чем это грозит обернуться… – Я представляю себе Роберта, смазливого официантика, на которого первым наедет гусеничный танк. Если Тесса работает, то и Роберт придет. И тогда Хардина придется удерживать на порядочном расстоянии от ресторана.

Тесса выхватывает из кучи белья свой черный фартук.

– Он тоже работает на выходных.

Не знаю, это хуже или лучше. То есть он действительно будет все выходные ошиваться поблизости. Как вам идея сбагрить Роберта на Марс, по крайней мере, до отъезда Хардина?

Неплохо бы, по возможности.

Ненавижу быть смазкой в сэндвиче, но, учитывая, что у меня хорошие отношения с двумя враждующими сторонами, пытаюсь сохранить хотя бы видимость нейтралитета. Тесса по-любому все выходные работает – да, с Робертом. Хуже некуда. Они будут вместе, и Хардин весь изведется.

Вокруг меня – сцена для мелодрамы. Мысль о том, что Дакота мне изменяла, приехав в Нью-Йорк, не оставляет иллюзий, Нора пулей выскакивает из моей квартиры… Не жизнь, а какая-то мыльная опера. Мы уже не подростки, я вырос. Так что тянет на сериал. Сериал про нью-эдалт, подросшую молодежь, как принято говорить. А что, еще не ввели в оборот такой термин? Помнится, на днях в «Мельнице», где я работаю, две мадам обсуждали этот вопрос за чашечкой кофе. Одна, невысокая кудрявая шатенка с толстенной рукописью в руках, багровела с досады из-за того, что какая-то двадцатилетняя малолетка получила контракт на нью-эдалтовскую писанину.

– Нью-эдалт? Это что за ерунда? – спросила другая с явным намерением развести собеседницу на психа.

– Да придумали они себе специальную категорию, чтобы подтянуть подо что-то свою паскудную писанину. Для янг-эдалт слишком по-взрослому, на романтическую прозу тоже не тянет, слишком зелено, – посетовало литературное дарование.

Я оттирал пятна кофе от чашек с соседнего столика и, заинтересовавшись их болтовней, уже решил прочитать какую-нибудь нью-эдалтовскую книжонку. Мне доводилось почитывать некий янг-эдалт, есть у меня пара любимых вещей, а теперь вот потянуло на что-нибудь повзрослее, в самый раз для моей нынешней жизни. Не всякий малявка способен спасти мир, и не всем выпадает шанс пережить неземную любовь. Бывает, живет человек не хуже других, а не везет, хоть убей. Типа меня. Почему вы не пишете книг про таких?

– А вы, парни, придумали, чем заняться в выходные? – спрашивает Тесса, упорно пытаясь завязать сзади свой фартук. Я бросаюсь на помощь, но она уже справилась без меня.

– Пока я не в курсе. Наверное, Хардин переночует и в понедельник утром уедет.

Известие встречено с невозмутимым лицом. Одному богу известно, какими усилиями ей это далось.

– Ладно. Я сегодня в две смены, меня не ждите, ложитесь спать. Все равно раньше двух не приду.

Тесса, как приехала в августе, так и работает практически без выходных. Я-то знаю, что это бегство от мыслей, да только вряд ли оно помогает. Она, конечно, попытается заткнуть мне рот, но я хотя бы попробую что-то сказать.

– Зря ты так много работаешь. Я ж не прошу тебя платить за квартиру. Мне гранта хватает, да и Кен не позволяет мне особо тратиться. – Мы уже раз десять говорили об этом с тех пор, как она ко мне переехала.

Тесса возится с волосами, попутно бросая на меня быстрые взгляды. Она улыбается – наверняка сейчас попросит заткнуться.

– Опять двадцать пять! Может, хватит?

– Отпишись, когда будешь уходить с работы. Ты в норме? – Я подкидываю ей ключи с гвоздика.

– В полном порядке, – отвечает Тесса.

И мы как по команде оба смотрим на ее трясущиеся руки.

Едва Тесса ушла, я бегом в душ и бриться. Иногда посещает шальная мысль отпустить бороду, но едва она начинает отрастать, как я ее тут же сбриваю. Не могу набраться терпения. С одной стороны, при бороде меня, может, пригласят в секретный хипстерский клуб, что в Гринпойнте. А с другой стороны, готов ли я

возложить на себя обязательства и блюсти чей-то устав? Не уверен.

Обернувшись полотенцем, я чищу зубы. Не знаю, хорошо ли быть взрослым. Ну почему обязательно было строить Нью-Йорк в такой дали от Вашингтона? Надо бы маме сегодня звякнуть…

В пустой квартире эхом проносится стук в дверь.

Хардин приехал, больше некому.

Распахиваю дверь, успев пожалеть о том, что я в полотенце. Как пить дать, начнет канифолить мне мозг по поводу наготы.

Дакота? Я так и попятился от неожиданности. Я совершенно не ждал ее и не уверен, что рад.

– Что случилось? Что ты тут делаешь? – Наша прошлая встреча прошла не вполне гладко; к тому же с той поры в моей квартире появилась Нора с чемоданом пожитков.

Дакота глядит на меня и не видит, глаза – черней черного.

– У меня… – Голос хриплый, губа затряслась. – У меня отец при смерти.

И с этими словами она прикрывает ладонью рот, силясь подавить всхлипы.

– Его скоро не станет, а я даже не попрощалась.

Мне захотелось обнять ее, как-то утешить. Я прижимаю ее к груди, а у нее по щекам текут слезы, и она вся дрожит. Не выдержала, разрыдалась.

Меня одолевают смешанные чувства. Не знаю даже, что хуже – то ли то, что мне не жаль ее отца, то ли то, что Дакота в моих объятиях, как чужая.

– А что с ним?

Она гладит меня по голой спине, а я глажу ее по голове, запустив в волосы пятерню.

– Печень не выдержала. Сказали, алкогольный гепатит. Я так и знала, что пьянство сведет его в могилу. Всех нас сведет, одного за другим. Сначала Картер, теперь вот отец… Дело за мной.

Сжимаю ее покрепче, чтобы выбросила из головы эту чушь.

– Давай, выкладывай все как есть.

Отправив ее на диван, я запираю входную дверь и направляюсь следом. Дакоту трясет. Вцепилась в меня так, словно ей страшно, что ее сейчас подхватит ветром и унесет незнамо куда.

Медсестра была немногословна и очень профессиональна, ее слов Дакота не поняла и тем более не запомнила. В общем, отца стремительно покидают силы, денег нет, а тут еще такие расходы. Уму непостижимо, что человек – ну пусть гадкий, пусть злой – за всю жизнь не смог заработать себе на лечение!

– Ты хочешь поехать? – Я глажу ее по рукам, пытаясь хоть как-то унять дрожь, чуточку успокоить.

– Ничего не получится, денег нет. Я едва свожу концы с концами.

Я хотел заглянуть ей в глаза – она отвернулась, уткнулась лицом в мою грудь.

– Не поедешь из-за денег? А если бы были, поехала?

Я не слишком бы удивился, если бы Дакота вообще не хотела увидеться со стариком перед смертью. При всем, что мне известно об этой семейке, я не стал бы ее винить.

– Только не предлагай денег, – говорит она, не успел я и рта открыть. – Прости, мне не стоило приходить, просто не знала, куда податься. Мои соседки попросту не поймут, а Мэгги чужие проблемы вообще до балды.

– Чш-ш, – поглаживаю Дакоту по спине, как дитя малое. – Не извиняйся.

Подцепив за подбородок, поворачиваю к себе ее личико.

– Я даже не знаю, грустить или радоваться. Может, оно и к лучшему. Просто он – последний родной человек, вот и все. А если и его не станет, то я останусь одна-одинешенька на целом свете. У меня никого больше нет, Лэндон, никого.

Я молчу, однако на него как отца можно было и не рассчитывать. Вряд ли он ее вообще замечал, причем с самого раннего детства. И я, конечно, не стану говорить, что не опечален его уходом. Пусть Дакота считает, что совершенно нормально испытывать то, что испытывает она.

– Ну как я к нему не поеду? Больше-то некому. Его там даже не похоронят. Как вообще люди платят за похороны? – спрашивает она надтреснутым голосом.

Я не размыкаю объятий. Пытаюсь припомнить всю ее родню, которую я когда-либо видел. В Огайо живет ее тетка, сестра отца. Дедушка-бабушка по отцовской линии давным-давно умерли, а по материнской – давно с ней не разговаривают. Когда ее мать ушла из дома, они еще созванивались, раз в неделю, не чаще. Но со временем перестали, и мы решили, что Йоланда больше никогда не вернется из своего Чикаго. Должно быть, старикам тяжело было разговаривать с отпрысками беглой дочурки, и, оберегая себя от непрошеных чувств, они полностью отгородились от внуков.

Помню похороны Картера. Мало кто появился в церкви в тот день. Мы с Дакотой сидели на первом ряду. Заглянули по старой памяти несколько школьных учителей, остались на пару минут, потом ушли. Джулиан тоже был. Как же иначе. Правда, он почти сразу же разрыдался и выбежал. Трое подонков из школы явились поглазеть, и Дакота их с шумом прогнала. Не успели даже задницы примостить. Прощением в тот день в церкви не пахло. Остальные ушли, не дождавшись начала.

Отец Дакоты не появился. Как и Йоланда. Никто не плакал, никто не вспоминал счастливые случаи из детства. Пастор нас явно жалел, это бросалось в глаза, но Дакота была настроена высидеть отведенный час и дослушать службу в память о брате.

– Как думаешь, он попадет в рай? Отец сказал, что таких не пускают в рай. – Ни глаза ее, ни голос уже ничего не выражали.

– Твой отец не имеет понятия, кого Бог пускает в рай, – тихонько ответил я, чтобы не услышал проповедник. – Если рай существует, то Картер уже там.

– Мне кажется, я не верю в Бога, – призналась Дакота, ничуть не скрываясь. Ей было все равно, что это услышат в церкви.

– Тебе и не обязательно, – ответил я.

Я поднялся на кафедру и заговорил. Я вспоминал о Картере только хорошее. Дакота была единственным слушателем в опустевшей церкви, и я целый час рассказывал всякие истории про наши улетные похождения и планы на будущее; я замолчал, лишь когда пастор вежливо дал понять, что пора закругляться.

Похороны ее отца обещают пройти приблизительно так же. Правда, Дакота на них будет одна. Никто не оживит воспоминания. Я никогда не думал, что можно кого-нибудь так ненавидеть, и у меня вряд ли найдется хоть парочка добрых слов для этого монстра, лежащего на смертном одре.

– А поехали вместе? Я оплачу половину. Я придумаю, где найти деньги, – неожиданно предлагает Дакота.

С ней вдвоем? В Мичиган?

– Лэндон, пожалуйста. Я не справлюсь одна.

И вдруг раздается стук в дверь.

– Это Хардин, – спохватываюсь я. – Он приехал на выходные.

Дакота отстраняется, лишь теперь заметив, что я без одежды.

– Все, мне пора. – Суетливо прощается, напоследок прижавшись губами к моей щеке. – Подумай, ладно? Я уезжаю в понедельник. За выходные попробую наскрести денег, а ты до воскресенья все взвесь и мне сообщи.

– Хорошо.

Мы подходим к двери, открываем – и вот он! Собственной персоной. Хардин стоит на пороге с черной сумкой через плечо. Гость переводит взгляд с меня на Дакоту, с Дакоты на меня и вопросительно приподнимает бровь.

– Привет, Лэндон. Здравствуй, Далила. – Он проходит в квартиру.

У Дакоты заплаканные глаза, и ее уже ничем не пронять. Приобняв меня напоследок, она удаляется. Мне остается только молча проводить ее взглядом и закрыть за ней дверь.

Тут Хардин орет, как больной:

– Что она здесь забыла? Ты же с другой телкой трахался? – Зашвырнув на диван свою сумку, прохаживается по гостиной и что-то высматривает, словно ищет улики.

– Мне нужен совет, – обращаюсь к нему со вздохом.

Замерев возле стула, Хардин щупает пижамные брючки Тессы. Погладил ворсистый материал, провел пальцем по краю штанины.

– Для начала оденься. Я голым советов не раздаю.

Закатив глаза, я топаю в спальню. В мою сторону надвигается ураган.

Глава 6

Надеюсь, я не выгляжу как конченый охламон. Ну люблю я треники, в них удобно. Будь я женщиной, ни за что не напялил бы каблуки и узкое платье. Вот Тесса, на мой взгляд, одевается самое то: лосины и майка, в любой обстановке. Хватаю синюю футболку, серые треники – и вперед, а к теме гардероба вернусь как-нибудь на досуге.

Хардин устроился на диване, на коленях – ноутбук, в зубах – ручка.

– Сразу за дело? – Кстати, я без понятия, чем он там занимается.

Сел в кресло, смотрю на него. Тот роется в стопке каких-то бумаг на столе. Рядом – недопитая чашка кофе, включенный лэптоп. Яблочко Apple заклеено стикером с какой-то металлической группой: розы, шипы, все дела. Смотрю для сравнения на свой ноут, примостившийся на журнальном столике, и вижу: «ТИПИЧНЫЙ ПУФФЕНДУЙ». Просто картинка была симпатичная, ну и смешно, ведь я же не Пуффендуец. Как-то раз сделал тест в интернете из баловства, и прога выдала: «Пуффендуй». В общем, я решил заслужить это имя и даже стикер себе приобрел, хотя в глубине души я по-прежнему истинный Гриффиндорец.

– А что же мне, ждать, пока ты наряжаешься? – возникает он.

Хардин – нытик? Вот так неожиданность.

Швыряю в него подушкой, он рычит в ответ что-то невнятное.

– Где Тесса?

– На работе. Она занята будет, пока ты здесь.

Хардин хмыкнул, молчит, а в глазах черти пляшут, и задышал он быстрей, когда о ней вспомнили.

– И что, сильно занята? Во сколько она обычно приходит?

Я колеблюсь. Как бы кого не обидеть.

– Сегодня вернется примерно в два.

Захлопнув крышку, Хардин чуть подается вперед, словно решил встать с дивана.

– Ночи?

– Да. Она сегодня в две смены, до самого закрытия.

– Возвращаться домой под утро – это дикость. Она же не бедствует. Нет повода так пахать. Всю ночь напролет, бред какой-то. – Собрав листки со стола, Хардин сует их в папку.

– А я-то что? Она передо мной не отчитывается. Как и перед тобой.

Вздох, кивок. Не расположен он спорить.

– Ну а с тобой что не так? И у Далилы такой вид, как будто у нее щенка застрелили.

Вот он, наш Хардин Скотт, нереальная няшка.

– У нее отец при смерти.

Ухмылка сползает с его лица.

– Ну надо же, печалька.

Я качаю головой, откидываюсь на спинку стула и сижу, запустив в волосы пятерню.

– Она в Мичиган собирается. Хочет, чтобы я с ней поехал. В понедельник.

Положив ногу на ногу, Хардин сдвигает со лба шевелюру. С прошлого раза она у него немного укоротилась.

– А что с Норой? Вы еще вместе?

Так он все-таки запомнил ее имя.

– Нет. Уже неделю не виделись. Она пулей отсюда выскочила. Говорит, я был слишком плотно повязан с Дакотой и никогда даже не замечал, что ей нравлюсь.

С тех пор она больше не появлялась.

– Ну что ж, хотя бы здесь у нас какая-то ясность. Если она не приходит и вы даже не разговариваете, то ты ничего ей не должен. Свободен распоряжаться собой, как угодно. Ну а если тебе так погано, то спроси себя, почему.

Ладно. И почему же мне так погано? Нора расстроилась из-за обстоятельства, над которым я даже не властен. А что, она предпочла бы, чтобы я изменил с ней Дакоте? Так было бы лучше? Вот я и не обращал на нее внимания – в Вашингтоне был по уши влюблен в Дакоту, а потом, переехав сюда, бесконечно оплакивал наш разрыв. Мне было не до чужих сантиментов. Понятно, почему Нора злится. Она расстроена. Если бы меня игнорировали, я бы тоже завелся. Но я ведь не специально. Да мне и в голову не приходило, что такая девушка может посмотреть в мою сторону! Не того калибра пташка. Она мной заинтересовалась, а я, надо же, все запорол! Короче, в собственном репертуаре.

– А не забить ли на это дело? Буду холостяком. А что, живут же люди.

Прикрыв глаза, я прощупываю такую возможность. Каково это, жить в воздержании. Да, для такого, как я, одиночество – самое то. И так голова уже кругом. Тесса, мать и сестренка (ну да, появится через пару недель), этот Хардин, Дакота опять же. Поволнуйся-ка обо всех. А тут вдруг еще одно имя добавится?..

– Пойми, дурень, быть одному – это полный отстой, – вклинивается в мои фантазии Хардин. – Поверь, я знаю.

Я вытаращил глаза.

– Мог бы хоть притвориться. Нечего сказать, поддержал.

– Отсоси. Никогда людям не врал и не собираюсь. – Он воздел руку к небу, как будто солдат, присягающий на верность стране.

– Пустобол.

– Я начал жизнь с чистого листа, – усмехается он.

Пару часов спустя Хардин возвращается с какой-то встречи, о которой он даже не упоминал. Говорит, что просветит меня на сей счет на следующей неделе, когда ему сообщат результаты. Интересно, конечно, но я не хочу быть причастным к секретам, которые придется скрывать от Тессы.

С утра на работу, пора бы уже закругляться. Интересно, какие у Хардина планы на ужин. Едва успеваю об этом подумать – он тут как тут, собственной персоной. Зашел в комнату, даже не постучал.

– Хочу прошвырнуться в кафешку. Ты со мной? – спрашивает он, сопроводив вопрос дружеским шлепком по ноге.

Прежде чем вскакивать, интересуюсь, куда он пойдет.

– В «Лукаут».

– Там работает Тесса, – напоминаю я.

Хардин лишь повел широкими плечами.

– Я знаю.

Ну-ну.

– Она ведь неспроста тебя сторонится. Вряд ли стоит…

Он поднял ладонь, прерывая готовящуюся тираду.

– Слушай, я по-любому иду и тебя пригласил лишь из вежливости. Ты со мной или нет?

С ворчанием скатываюсь с кровати.

– Только там работает Роберт, тот самый, который…

– Я все про него знаю. Тем более есть повод наведаться.

Мужик сказал – мужик сделал. Это про Хардина.

Не видя иного решения, соглашаюсь.

– Только ботинки сейчас натяну.

– Ты в таком виде собрался? – говорит Хардин, смерив меня придирчивым взглядом. – Там же вроде бы Надя работает?

– Да, Нора тоже там. И да, в таком.

Даже если она на работе, то по-любому не станет со мной разговаривать, а в этой одежде комфортно. Конечно, не такой прикид, как у Хардина, – стильный черный ансамбль, зато пенис дышит. А не то, что у него, в тесных джинсах.

Десять минут спустя я при полном параде: темные джинсы и клетчатая рубашка на пуговицах. Страшно жмет в промежности и рукава на рубашке коротковаты, но Хардин отказался идти со мной в «пижаме», а я уже умираю от голода.

По пути Хардин расспрашивает меня об учебе, работе и всем подряд, но главное – не о Тессе. С тех пор, как мы познакомились, он стал куда более разговорчив. Личностный рост налицо.

«Лукаут» – современное место, дизайн в индустриальном стиле. И когда мы приблизились к стойке хостесс, Тесса как раз мельтешила за раскидистым металлическим деревом, чьи ветви были усыпаны часами вместо листьев. Я зазевался на прилавок с десертами, который был тут же, возле столика хостесс, и неожиданно для себя стал выискивать в толпе черную шевелюру Норы. Пока Хардин расспрашивал Роберта, какие столики обслуживает Тесса, на миг кто-то промелькнул в толпе. Роскошные волосы, смуглая кожа. Жаль, я толком не успел ничего рассмотреть.

Странно ведет себя Хардин. Как будто не слышал про Роберта.

– Подождите, я мигом, – говорит тот, переводя взгляд с Хардина куда-то в противоположный конец зала. Помещение вполне себе камерное, столиков двадцать, выставлены рядком вдоль стен.

– Индюк, – цедит сквозь зубы Хардин, бросая вслед Роберту исполненные ненавистью взгляды. На его эмоциональные всплески стараюсь не реагировать.

К кондитерскому прилавку выходит Нора с подносом кексиков. Волосы затянуты в тугой хвост на макушке, беспорядочные пряди обрамляют лицо. Она идет и смотрит перед собой отсутствующим взглядом.

Она в курсе, что я здесь? Хоть немножко из-за этого нервничает?

– Тесса, – вдруг доносится до меня голос Хардина.

Поедаю глазами Нору. Она открывает просторную витрину и ровными рядочками выкладывает туда свежие кексы. Ни разу не отвлеклась от работы, не посмотрела в сторону. Освещение здесь не очень, но я вижу, что она вымотана до предела: плечи опущены, вид понурый.

Краем глаза замечаю силуэт, напоминающий Тессу. Оборачиваюсь и торопливо бормочу, упреждая малейшее недопонимание:

– Хардин сам захотел прийти.

Лучше я выгорожу себя на случай, если ей эта встреча, как кость поперек горла. Ребята, давайте жить дружно.

Та не отвечает. Молча стоит и не сводит глаз с Хардина.

– Мы можем и уйти, не обязательно есть именно здесь, если ты занята, – вновь вызываюсь я.

Не пойму, что там у них происходит, но между этими маньяками явно идет какой-то энергетический обмен.

Его пальцы крепко вцепились в ее запястье, а ее глаза горят, как не горели ни разу за последние несколько месяцев.

– Нет, – еле слышно выдыхает Тесса. – Оставайтесь.

Высвободив руку, она отходит к стойке хостесс, берет для нас два меню.

Пока Тесса идет к столу, я бросаю взгляд на Нору. Та упорно не поднимает глаз. То ли до сих пор меня не увидела, то ли притворяется. Да как можно не замечать такой настойчивый взгляд?

Пока Хардин с Тессой вежливо разговаривают, я убегаю в кабинку. Хардин делает вид, будто не в курсе, что Тесса работает допоздна. Его словно не парит тот факт, что ей возвращаться одной посреди ночи. Он изо всех сил старается вести себя цивилизованно.

Пока мы делаем заказ, я ненароком спрашиваю Тессу:

– А София сейчас занята?

Та кивает.

– Да, очень. Прости. – Она меня не поправила – догадалась, что нас что-то связывает? Я очень плохой друг, что скрываю от нее такие вещи?

Тесса нахмурилась, Хардин склоняется к ней. Он вообще замечает, что своим поведением выдает себя с головой? Она записывает наш заказ, и он не отводит взгляда с ее пальцев; у него даже плечи приподнимаются в такт ее дыханию.

Противно смотреть. Вот я – одинокий перец, а Тессу и Хардина тянет друг к другу, словно магнитом. К гадалке не ходи, эти двое будут вместе. У каждого должен быть свой магнит, а у меня его нет.

Печальные грядут времена, если люди стали мечтать о том, чтобы превратиться в магнит.

Тесса сказала, что Нора выписала нам чек. Хардин сует ей безмерные чаевые, и Тесса засовывает их мне в карман. Мы уходим. Пока ели, я ни о чем не мог думать, лишь о том, что Нора где-то поблизости. Я не спускал глаз с коридора, ведущего в кухню, и даже сам не заметил, как опустошил тарелку.

Меня терзает мысль, что Нора знала о моем присутствии, однако не вышла поговорить. Ведь я не со зла. Неужели я не заслуживаю даже права объясниться? Мы были там больше часа. Могла бы как минимум пройти мимо, помахать или вежливо улыбнуться.

Уже в дверях я потянул Хардина за рукав.

– Встретимся у меня.

Хардин не задает вопросов, не предлагает остаться со мной. Кивает, уходит. Спасибо, ценю.

Сажусь на лавочку у ресторана, смотрю, сколько времени на телефоне. Десять минут десятого. Понятия не имею, до какого часа сегодня работает Нора. Подожду ее у дверей, а когда выйдет, решу, что делать. Пусть даже придется сидеть до двух ночи.

Смотрю направо, налево и облокачиваюсь о холодную кирпичную стену. Вокруг царит осенняя прохлада, погода безветренная. Тротуары почти опустели. Совсем нетипично для Бруклина в сентябрьский пятничный вечер.

Пока жду, обдумаю, что сказать Норе. С чего бы начать?..

Прошло два часа, и из ресторана выходит Нора, а я так ничего и не надумал. Она идет мимо, и только длинные волосы колышутся за спиной. Сворачивая за угол, остановилась, распустила косы и встряхнула головой. Бесподобная даже в немилосердном свете уличных фонарей.

Надо выдать свое присутствие, позвать ее, показаться, а не просто брести следом, как незримый убийца. Но что-то меня останавливает. Не могу, и все. Куда она, кстати говоря, направляется? На свою старую квартиру, где живет

Дакота?

Скоро узнаю.

Нора петляет по тихим кварталам, сворачивая в темные узенькие переулки, и ни разу даже не оглянулась. Наушники в уши – и беззаботно броди себе по ночному Бруклину, все тебе нипочем.

Выходит к Ностранд-авеню. Уж не к метро ли она? Идти следом? Тенью крадусь за ней, и не стыдно, не жутко. Что со мной? Так, терзаясь раздумьями, я незаметно для себя перехожу улицу и спускаюсь в подземку.

Держусь позади, приотстав шагов на двадцать. Между нами вклинивается небольшая толпа. Нора ждет своей очереди у турникета, покачивая головой в такт музыке.

Захожу в полупустой вагон. Стоит ей обернуться, и она меня увидит. Присаживаюсь возле пожилой женщины с развернутой газетой в руках. Надеюсь, газета меня хоть как-то прикроет. В вагоне стоит сверхъестественная тишина, на ее фоне мой кашель выдает меня с головой. Шпион я паршивый.

Нора вытаскивает из кармана сотовый телефон и глядит на экран. Что-то листает, вздыхает и снова листает. Едем еще десять минут, она встает, идет на выход, я следом. Мы пересаживаемся на другую ветку и через сорок пять минут оказываемся на Грант-Централ-терминал. Понятия не имею, куда направляется эта женщина и почему я иду за ней.

Садимся на поезд Метро-Норт, затем перегон в полчаса и попадаем на станцию «Скарсдейл». Не представляю, где находится этот самый Скарсдейл, и что мы здесь забыли. Нора останавливается возле лавки и расстегивает рабочую блузу. На ней черная майка из какого-то сетчатого материала, из-под которой просвечивает лифчик. Нора запихивает блузку в сумку, застегивает, я все это вижу, упорно стараясь не пялиться на ее аппетитные формы.

Она вынимает из уха пуговку наушника, вытаскивает из сумочки телефон, и я прячусь за щитом с рекламой какой-то страховой компании.

– Я на месте. Жду водителя на улице, возле выхода. Как он поужинал? Все доел? – спрашивает она неведомого собеседника.

Дает отбой, сует телефон в карман и оборачивается в сторону моего укрытия. Я пригибаюсь ниже.

И что делать? Кто там ей присылает водителя?

Не успеваю порадоваться надежному укрытию, как слышу:

– Лэндон, у тебя ноги торчат.

Глава 7

Выглядываю из-за рекламы и вижу Нору, которая направляется в мою сторону. Темные волосы отбрасывают тень на лицо. С парковки льется флюоресцирующий свет, придавая ей истинно злодейский вид. Обтягивающие черные джинсы, порванные на колене, черный лифчик под сетчатой майкой. А пекарям вообще разрешается носить джинсы с дырками во время готовки? И почему я об этом сейчас думаю?

Я замер, точно жертва. Должен признаться, ненавижу я здешнее метро. Указатели путаные, приходится вечно тесниться, как сельдям в бочке. Терпеть не могу этот подземный плен, но когда выезжаем наружу, меня и вовсе укачивает.

И как мне вернуться домой, если я путаюсь в чертовых схемах?

Где он находится, этот богом забытый Скарсдейл?

Нора остановилась и ждет, когда я вылезу из-за своего укрытия.

– Ты и вправду решил, что я тебя не замечаю? Ты плетешься за мной от самого ресторана. – Вскинув бровь, она воззрилась на меня.

Я бы не удивился, если бы за спиной у нее оказалась плетка или меч, с таким боевым видом она обозревала окрестности. Это уже отнюдь не очаровательная скромница. Кто знает, на что она способна посреди ночи. Сплошные загадки. Я будто бы угодил в кино. Нора сверкает на меня своими черными глазами, которые в обычной обстановке каре-зеленые.

Рядом со мной она замирает и вытаскивает из заднего кармана – что бы вы думали! – никакой не меч, а весьма прозаичный сотовый. Смотрит на экран и сует телефон обратно.

– Я два раза ходила на курсы самообороны и заметила тебя еще на повороте на Ностранд. Ждала, пока ты со мной поравняешься. – Она умолкает, полные губы кривятся в улыбке. – Но ты так и не подошел, а просто брел следом. Так что ты хочешь?

Она легонько касается моей руки.

Тут что-то одно из двух: или она считает меня дураком, или сама чуток сбрендила.

Потирая шею, я раздумываю, как бы себя обелить.

– Ну, – нервозно откашливаюсь. – Э-э, я хотел поговорить с тобой после смены.

– Так почему не окликнул? Зачем шел следом?

– Сам не знаю.

Улыбается.

– Да знаешь все ты прекрасно, просто боишься признаться. Скажи, почему ты за мной увязался. У меня нюх на вранье. – Глядит мне прямо в глаза. – Ну, давай я еще раз спрошу. Почему ты полтора часа за мной плелся от самого Бруклина в Скарсдейл?

Особенно не задумываясь, я вдруг выпаливаю:

– Я хотел с тобой раньше поговорить, когда был у тебя на работе… А ты ведь знала, что я пришел, но даже не вышла хотя бы поздороваться. Не приходишь, не звонишь. Уже неделю.

– У меня нет твоего телефона.

Она нервно облизнула губы, и мне вспомнилось, какая она на вкус. Ее ладони на моих плечах, ее язык нежно касается моего… Хорошо, что она не умеет читать мысли.

– Ты послала мне эсэмэс в тот день, когда мы ходили гулять.

– Ах да, я забыла.

Размышляет. Уверенным жестом заправляет за ухо прядь волос.

– Ясно. Так о чем ты хотел говорить? – Нора стоит, облокотившись о стену, и подпирает ее ногой. Устраивается поудобнее, прежде чем вызвать меня на прямой разговор. Жутковато.

О чем я хотел говорить? Хотел проведать ее? Скучал? Эта женщина распознает любую ложь, если верить ее словам.

Невнятное «я соскучился» сорвалось с языка. Ее хребет сам собой сровнялся со стеной.

– Где мы? – спрашиваю в наступившем молчании.

Прежде чем ответить, Нора напрягается и смотрит куда-то мне за спину.

Оборачиваюсь и вижу: к нам подходит какой-то чувила в костюме.

– Мисс Кроуфорд, – обращается он к ней. Просто громила. Великан и тяжеловес.

Ну, может, и не гигант, но на фоне Норы кажется горой.

– Чейз, – приветствует она его с улыбкой. Странная такая улыбочка. Деланая. – Я сейчас подойду. Надо попрощаться с товарищем. Он помог мне доехать из Бруклина. Очень отзывчивый, очень. – Ее глаза метнулись от громилы ко мне.

Все происходящее для меня – полная тайна.

Сделав мне ручкой, Нора следует за гигантом. Как видно, он и есть тот самый водитель, о котором она говорила по телефону.

– И все? Я проделал такой путь, а мы так и не поговорим? – Вскинув руки, я беспомощно смотрю Норе вслед. Она даже не обернулась.

– Я это очень ценю! – кричит.

Когда она скрылась за углом, я застонал от досады.

Какого черта было сюда тащиться? Скоро полночь. А мне еще ехать до Бруклина. Надо было за ней пойти, а не стоять здесь как пень, пока она удаляется со своим дружком-телохранителем.

И что это за мордоворот? Зачем эти переодевания? Еще и волосы распустила.

Какой-то левый любовник?

Она – стриптизерша?

Сектантка?

У нее расщепление личности?

Да кто ж ее разберет.

В свой район я добрался лишь через пару часов. Входная дверь заперта. Ключи я отдал Хардину, когда тот поехал один на квартиру. Надеюсь, он мне отопрет. Сначала я тихонечко стучусь, потом начинаю бить, колотить, и наконец Хардин

показывается в дверях. Весь спросонья и без рубашки.

Осоловело таращит глаза.

– А я думал, ты в своей комнате, ниндзя.

– Я был с Норой. – Печальные подробности оставим на потом.

Изогнув бровь, Хардин плюхается на диван, который выглядит миниатюрным в сравнении с его длинным телом. Странно, что он сейчас на диване, а не в комнате Тессы. Впрочем, на расспросы у меня уже не остается сил, а у него, похоже, нет сил отвечать.

– Спокойной ночи, – желаю ему напоследок и ухожу в свою комнату.

Голова гудит, я безнадежно пытаюсь уснуть.

Просыпаюсь за десять минут до трезвона будильника, заставляю себя вылезти из постели. Проспал до одиннадцати – уму непостижимо! Моя смена начинается в двенадцать и заканчивается в четыре. Недолго, конечно. Обычно в субботнее утро я работаю с шести до двух, так что сегодня, можно сказать, расслабон. Хорошо, конечно, когда в напарники попадается Поузи, а с Эйденом как-то не очень.

Мне остается лишь надеяться на чудо.

Четыре часа с Эйденом сойдут за все восемь, а с Поузи смена пролетает, как тридцать минут.

Я моюсь в душе, пытаясь состроить счастливое лицо. Нельзя же на работе болтаться с такой унылой физиономией. Так, шаг за шагом, начинается мое утро. Душ, лосьон для тела, лосьон для лица – Тесса сказала, он мне показан. Одежда: белая футболка и черные джинсы. Кофе: черный, крепкий.

По пути на кухню я вижу Хардина на диване. Он не один. В его крепких объятиях покоится Тесса. Она мирно посапывает, уткнувшись ему в грудь. Я нисколько не

удивлен.

Надо что-нибудь слопать и бежать, но не хочется их будить. На столе лежат вялые бананы гниловатого вида. Открываю шкафчик, вытаскиваю ближайшую пачку хлопьев. Запускаю руку в коробку по локоть и слышу шарканье босых ног на дощатом полу. Ни с чем не сравнимый звук. Наверное, проснулись из-за кофеварки или от хруста пакетика глазированных хлопьев. Не помню, была ли здесь эта коробка вчера, но каждый, кто приносит сюда еду, должен знать, что игра ведется по правилам. Быстро дожевываю сухие хлопья, пожалев, что засунул в рот последнюю горсть. Хватаю со стойки кофе и выбегаю в коридор. Вижу Тессу. Я расплываюсь в улыбке, она заливается краской.

– Что? – спрашивает, старательно отводя взгляд.

Я подношу к лицу чашечку с кофе.

– Да так, ничего. – Делаю глоток. Тесса по-фирменному закатывает глаза и пятится в комнату, где, судя по всему, Хардин скачет спросонья, путаясь в штанинах.

Прихожу на работу. За прилавком стоит Эйден. Ну отлично.

– Здорово, старик! Ночка не задалась? – Хлопает меня по спине пятерней, я морщусь.

– Можно и так сказать.

Я отмечаюсь в журнале. Вот бы мне пульт, как в фильме с Адамом Сэндлером, чтобы время умел останавливать. Не скажу, что я надавал бы ему пенделей, но не поручусь, что и не надавал бы.

– И у меня, чувак, такая же ерунда.

Звонит дверной колокольчик, и я отвожу взгляд от засоса на шее Эйдена.

Почему он вечно в засосах? Разве кто-то этим еще занимается?

– Ого! Ты глянь, – с бурного гогота Эйден переходит на шепот, и я смотрю в направлении двери.

Входит Нора. У нее распущенные волосы и белые брючки, в них заправлена тонкая джинсовая рубашка. Девушка на миллион.

– Привет, – говорит она мне с улыбкой. У Эйдена дух перехватывает от неожиданности.

– Привет, – поворачиваюсь к ней, отирая руки о фартук.

Эйден скороговоркой предлагает ей выпить. Она улыбается, и этот баклан вытягивается по струнке, суетливо запихивая подол рубашки в штаны. Хочет понравиться. А засос на шее это так, пустячок.

– Что посоветуете попробовать? – спрашивает она, обращаясь к нему. Меня это здорово задевает.

Хотя и не должно.

– Хм, вы похожи на опытного кофемена.

Боже, он хоть понял, что сказал? Надеюсь, она не поведется. Он ведь имел в виду кофемана.

– А что это за мен такой? – вырывается у меня.

Зачем я это ляпнул? Что с моими мозгами? Я даже попытался хихикнуть под свою глупую шуточку.

Нора прыснула со смеху, прикрыв рот рукой. Эйден натужно смеется. То ли задело за живое, то ли он вообще не понял причину веселья.

– Я бы посоветовал вам попробовать наш новый латте с кокосовым молоком, – любезно советует Эйден, хватая бумажный стакан и свой маркер.

Нора подходит поближе к прилавку.

– Я не люблю кокосовое молоко.

Я прячу улыбку.

Нора глядит на меня.

– А что за напиток ты варишь для Тессы? Ну, с бананом?

Самомнение Эйдена сдувается, как воздушный шарик.

В ресторане запахло свежестью.

Забираю у Эйдена стаканчик и маркер и пишу на стаканчике имя Норы, чисто так, ради прикола.

– Макиато с лесным орехом и бананом. Я тебе приготовлю.

Пока Нора расплачивается за кофе, Эйден пытается развлекать ее разговорами, а я наливаю в чашку ароматный сироп.

– Во сколько заканчиваешь? – спрашивает Нора, когда я протягиваю ей заказ.

– В четыре. Я пришел всего пару минут назад.

Подув на стаканчик, Нора аккуратненько пригубила.

– Хорошо, я тебя подожду.

Наверное, она не расслышала.

– Здесь? Еще целых четыре часа.

– Да, я знаю. Здесь не так уж и людно. Ничего, если я посижу за каким-нибудь дальним столиком? – Она не спускает с меня глаз. В сторону Эйдена даже не взглянула.

То, как она на меня смотрит, уже исполнено некоего смысла. И еще мне нравится мысль, что Эйден там сходит с ума, потому что это я, а не он, удостоился внимания такой эффектной особы.

– Конечно, какой разговор, – отвечаю я.

Она улыбается, хотя прекрасно знает, что я и не думал ее выпроваживать.

Глава 8

Несмотря на слова Норы, в «Мельнице» стало не по-субботнему людно, а Эйден еще сильней тормозит. Он забыл два заказа, перепутал надписи на трех стаканах и уронил на пол бутылку с мятным наполнителем. И почему-то именно мне пришлось все подтирать – не было сил дожидаться, пока недотепа наполнит ведро и станет развозить веревочной шваброй это липкое и скользкое пятно. К тому же стояла нереальная вонь. От тошнотворного мятного запаха у меня разболелась голова. Благодарности я не дождался, даже напротив, этот поганец напомнил мне с важной миной не забыть про вывеску «Осторожно! Скользкий пол».

Поначалу я радовался, что столько народу – думал, не буду вспоминать то и дело о Норе, которая сидит и смотрит на меня. Все впустую. У меня сосет под ложечкой, и я без конца кидаю взгляды в ее сторону. Да, меня это здорово отвлекает, и все-таки дело спорится. А у Эйдена – нет. Очевидно, он неспособен совладать с напором жаждущих кофеина зевак.

Протягиваю женщине по имени Джули латте с тройными сливками и вновь бросаю взгляд на Нору. Она что-то пишет в блокноте. Совсем на меня не глядит. Пользуюсь случаем рассмотреть ее. Она совершенно расслаблена, сидит, постукивая кончиком ручки о бумагу. Скрестила ноги, в задумчивости выпятила губы. Женственный изгиб верхней губы чуть-чуть нависает над нижней.

– Офонарел?! – гремит в ушах голос Эйдена. Я пробуждаюсь от навязчивых мыслей о губах Норы, поднимаю взгляд и вижу: очередь рассеялась. Но почему у меня мокрые ноги?

Вижу, мне под ноги льется струйка зеленого чая из заварочного чайника. Хватаю его за ручку, закрываю крышку. Лужа умеренная – вылилось только полчайника. Ну, надо же, и все при Норе. Она сидит, улыбается. Я раскраснелся, хватаю ведро, думаю исключительно о швабре. Мыть пол, надо мыть пол, протирать, промокать. Отжал – протер, снова отжал.

Прошло еще два часа. Рубашка запачкана, я весь в пыли от кофейных зерен, в ботинках хлюпает лужа зеленого чая. Однако налицо и радостный момент: уже десять минут как нет ни одного клиента, а Эйден готов подвывать, такая у него кислая мина.

– Я проголодался, как волк, и у меня репетиция, – говорит он без лишних предисловий. Понурый вид, сутулые плечи, на белой сорочке коричневые потеки. Мы с ним – как последние воины с поля Большой кофеиновой брани. Те, кто остался в живых, чтобы поведать ход битвы потомкам. Нора под стать королеве, ради которой все затевалось, а победитель получит корону.

Пока я не унесся в неведомые дали на крыльях воображения, Эйден подходит ко мне и говорит с неуверенным жестом:

– Ну так что, я отойду на минутку?

– Ага. – Взглянув на Нору, я добавляю: – Иди, без проблем. Народ по-любому уже рассосался.

Надо сгрести с пола мусор и стереть со столиков круги от стаканов. Заправить корзину со льдом и освежить прилавки. Список можно продолжать еще долго.

Нора встает из-за столика и запускает пальцы в пышную шевелюру. Хватаю тряпку и выхожу из-за стойки.

– А он милашка, правда? – Нора тычет большим пальцем в подсобку, куда удалился Эйден.

– Да обычный, – пожимаю плечами, особо не распространяясь. Нехорошо, если Эйден услышит, как мы о нем разговариваем. Каким бы он ни был нескладным, а обижать человека мне не хочется. По себе знаю, как неприятно, когда шушукаются за твоей спиной. Никому бы такого не пожелал. Ну, может, найдется пара таких человек, но Эйден не в их числе.

– В нем есть что-то от короля Джоффри. – Нора смеется, прикрыв рот рукой.

– А кто это?

Нора вытаращила глаза.

– Король Джоффри? Ну, тот вонючка, мелкий блондин.

Хм?..

– Ты что, не в курсе? – Она явно поражена моим неведением.

Качаю головой.

– Ты что, «Игру престолов» не смотрел?

– Нет пока.

– О боже! – Она придвигается ко мне, хватает за руки. От нее пахнет кокосом. – Ты шутишь? Скажи, что ты шутишь. О-о-о, как я в тебе ошибалась. Ты где такой прятался? И даже на спойлеры не повелся?

Учеба рулит, хотел сказать я. Да еще и работа. Но получится грубо. И как-то не убедительно.

– Да все некогда было. Как раз собирался посмотреть. Все вокруг уже видели, обсуждают, а я никак на сайте не зарегистрируюсь, – бормочу, точно робот.

У меня, конечно, есть страничка на Фейсбуке, но я постоянно забываю пароль и приходится заново каждый раз его менять. Друзей – человек десять, половина

родственники. У мамы, например, на странице одни только фотки младенцев и растущего живота. У Тессы – посты из Пинтерест. Мама бесконечно шлет всякий хлам. Картинки, цитаты и фоточки со щенками. В прошлый раз, когда я проверял почту, она выложила фотографии всего семейства со своей свадьбы и отметила там меня. Боже, какие посыпались комментарии от ее подруг!

«Как он подрос! Помню, как я щипала в детстве эти пухлые щечки!»

«А наш крошка Лэндон, вы посмотрите! Красавчик-ловелас!!!»

«Ой, Карен! Ну прямо жених! Когда салатиков поедим?»

На последний коммент мама ответила: «Как только, так сразу! Им с Дакотой надо колледж закончить!»

Еще год назад все было иначе. За несколько месяцев жизнь моя дала резкий крен, а иначе был бы я с Дакотой.

Ну ладно, хватит о ней.

– Тебе обязательно надо его посмотреть, – не унимается Нора.

Я вроде и не против.

– Наверное. – Не знаю, смогу ли я выкроить хоть часок в своем жизненном цикле на просмотр сериала. Учеба, работа и вечная нервотрепка. То с Норой не так, то с Дакотой. А еще Тесса, Хардин, и мама, и крошечная сестренка, и Кен, и всем нужно внимание.

Нора сидит, тормошит в руках обертку от соломинки.

– Интересно, а что ты все-таки смотришь?

В последнее время смотрю то, что включает на телике Тесса. Так честно и признаюсь. Нора сидит совсем рядом, почти впритирку, и что-то вещает про то, как много я упустил, не посмотрев «Игру престолов». Еще она обожает смотреть шоу «Холостяк». Мол, ерунда, но затягивает. Признаюсь, что не смотрел ни

одного эпизода. Я, конечно, видел рекламу и лица героев на журналах со светскими сплетнями. Да все киоски ими пестрят, постоянно попадаются мне на глаза по дороге в универ, но до сих пор не знаю, как кого звать. Нора говорит, что Жожо – просто дура, на прошлой неделе отшила ковбойчика из Техаса.

Она мурлычет о чем-то своем, а я понимаю, как приятно мне все это слышать. Приятно смотреть на ее руки, которые грациозно двигаются в такт речи, и хочется, чтобы это не прекращалось. Каждое слово, срываясь с ее губ, обретает такую значимость, какой и не думало обладать.

– Ну а ты что думаешь? – внезапно повышает голос Нора, а я даже не помню, о чем она сейчас говорила.

– Э-эм, – пытаюсь что-то сказать, чтобы не выглядеть конченым дегенератом.

– Есть планы на вечер? – спрашивает она, искоса улыбаясь.

Без понятия. Пожимаю плечами.

– Пока не решил. Хардин приехал, до понедельника будет в городе.

Она кивает.

– Я в курсе.

– Наверное, все зависит от того, в каком направлении двинется ураган Хесса.

Мою шуточку Нора встречает улыбкой. Оказывается, в ее руках уже другая обертка, порядком помятая. Она сложена, точно меч, а на столе – две небольших кучки сахара. В руке Нора держит пустой пакетик. Мне эти кучки напомнили день, когда я познакомился с Лайлой, сестренкой Поузи. И, как и в прошлый раз, в один из холмиков, подобно флажку, вставлен кусочек салфетки.

Видимо, оба раза это было дело рук Норы. Как же я ее тогда не заметил?

– Тесса всю ночь на работе, – говорит Нора. Подставив ладонь, сметает миниатюрные крепости.

Позабыв про тряпку, я направляюсь к бару. Поднимаю перегородку, беру мусорницу, подношу к столику. Нора отряхивает ладони над пластиковым ведром и обтирает их о мой фартук.

– Хочу кое-куда тебя пригласить, – произносит она тихонько.

– Я не против с тобой кое-куда прогуляться, – не задумываясь, отвечаю я.

Я смотрю на нее. Она – на меня.

Прочищаю горло.

– В смысле, я с радостью пойду туда, куда ты решила меня пригласить. Все равно куда.

Нора спрашивает, где у нас швабра, и больше ничего не говорит о том, куда она хочет меня сводить.

Глава 9

– Слушай, а я успею хотя бы переодеться? – спрашиваю Нору, отмечаясь в таблице дежурств. Поузи уже завязывает фартук. Она в комнате для перекусов. Лайлы с ней нет, значит, бабушка пошла на поправку. Поузи улыбается нам напоследок, и я с радостью узнаю, что через час придет Кри, наш новенький, чтобы сменить Эйдена. Поузи, в отличие от других, еще как-то симпатизирует Эйдену, и все-таки с Кри по-любому приятнее работать.

Пробежавшись взглядом по пятнам на моей серой футболке, Нора говорит:

– Забей. Не успеешь.

Я плетусь следом за ней к двери, мы выходим на тротуар. Нью-йоркский сентябрь – в числе моих фаворитов. Хоккейный сезон – это раз, и погода хорошая. Чего еще желать? Правда, теперь, когда Кена нет рядом, все иначе.

Мы были заядлыми болельщиками. Именно благодаря спорту мы с ним породнились отцовско-сыновьими узами. Для меня такие отношения внове.

– Хочу, чтобы ты как следует познакомился с Бруклином. Ты был в «Джульетте»? Это кафе в Уильямсберге. Там подают мороженое моментальной заморозки.

Качаю головой. Как переехал сюда, особо никуда не наведывался. В основном бродил по окрестностям, бегал трусцой, но вот чтобы куда-нибудь заходить или тусоваться – такого не было. Да и с кем? Тесса вся в работе, друзей я пока не завел, в общаге никому до меня дела нет.

– Впервые слышу, – отвечаю. – А куда ты вчера ходила? Помнишь, когда я следил? – спрашиваю ее, пока мы ждем у светофора, чтобы перейти дорогу.

Она смеется.

– Как говорится, сразу по существу.

Жду ее ответа, но она стоит, не разжимая губ.

– То есть ты мне не скажешь?

Качает головой.

– Не-а, – говорит она, нежно коснувшись кончика моего носа.

Нельзя спускать это с рук. Она что-то скрывает, надо бы допытаться, докопаться. Здесь скрывается какая-то тайна.

Вместо этого я спрашиваю:

– Значит, в «Джульетту»? А что там готовят?

Нора с легкой улыбкой отметила про себя, с какой легкостью я переключаюсь с темы на тему. Я ведь обещал не допытываться, а значит, попросту не стоит лезть в ее жизнь.

Казалось бы, чего проще. Да только мне адски хочется разузнать про нее все-все-все. Сколько сахара в кофе она кладет, какая у нее любимая песня, как она напевает себе под нос и долго ли валяется по утрам. Дико хочется знать про нее очень многое, и мне просто сносит крышу от того, что она меня ограничивает.

И вот мы на месте. Французское бистро с названием «Джульетта». Нору распирает от восторга.

– Самое крутое заведение! И пусть твердят, что «Ле-Баррик» лучше, не слушай их. Все они врут. Мало ли, что там «Йелп» пишет.

– А что такое «Йелп»? – спрашиваю я, стараясь поспевать за шустрыми ножками Норы.

На тротуаре стоит тренога с доской, где написано мелом: «Отведайте салат из тасканской капусты», рядом пририсован зеленый листик. Ого, так, значит, и французы переняли у Калифорнии листоядный стиль жизни. Хотя Таскания – это область в Италии, а бистро-то вроде французское…

Обогнав меня, Нора проходит внутрь. Чуть не дойдя до стойки хостесс, она оборачивается и говорит с улыбкой:

– Тебе многому предстоит научиться, малявка.

Мы в ресторане. Осматриваюсь. Нора заказывает у хостесс столик на двоих. Та, схватив меню, начинает расхваливать блюда дня, а мы тем временем подходим к круглому столику в дальней части зала.

– У вас открыта крыша? – интересуется Нора, хотя усаживаться не спешит.

Хостесс обводит глазами зал.

– Пока нет, откроем в пять. Но вы можете посидеть на террасе.

– Да, если можно, – с улыбкой отвечает Нора.

Мы поднимаемся по ступеням, ведущим в какое-то место, похожее на сад. С потолка свисают растения, едва не касаясь столов. На террасе практически пусто, лишь один столик занят.

– Отлично. Большое спасибо, – говорит Нора.

Мне нравится, что она так любезна с теми, кто работает в сфере обслуживания. Помню, когда-то я вывел теорию, что каждому человеку не плохо бы хотя бы раз в жизни побыть официантом. Помню историю в «Стейк-энд-Шейк» в Сагино, когда Дакоте принесли гамбургер с луком, хотя она заказывала без. Какую тонну ругани она исторгла на бедного официанта! Я готов был провалиться сквозь землю от стыда, однако сидел и молчал. Сначала она как следует прооралась, а потом заявила, что не будет платить за еду, и потребовала вычеркнуть ее блюдо из счета.

Когда мы ушли, она раскаивалась, называла себя идиоткой. Я был с ней в этом полностью солидарен.

Сажусь за столик напротив Норы, с громким скрипом пододвинув железный стул. Меню короткое, только на ланч, причем коктейлей в нем больше, чем блюд.

– Я всегда беру одно и то же. – Нора протягивает руку, указывая на какую-то разновидность перцев и что-то типа цветной капусты. Я способен разобрать лишь несколько слов из меню. Оно что, на французском? – Возьму перцы шишито, цветную капусту, лук-гратин и пом-фрит. Все так вкусно, глаза разбегаются. – Она радостно засмеялась, заткнула прядь волос за ухо. – Всегда чересчур много заказываю.

– А я… я возьму… – Вижу гамбургер и тычу в него пальцем. – Тут у них черт ногу сломит, в этом меню. – Смеюсь, пытаясь скрыть смущение.

Нора придвигается ближе к столу. У нее получилось тихонько, без скрежета.

К нашему столику подходит хостесс с кувшином воды, в котором плавают огуречные ломтики и кубики льда. Куда я попал? По карману ли мне это заведение?

Нора благодарит хостесс, и та уходит, заверив, что сейчас к нам придет некая Айрин. Осматриваюсь. Все вокруг наполнено зеленой листвой, струящейся вниз из подвешенных и расставленных всюду плетеных корзин.

– И что здесь повергло тебя в смятение? – спрашивает Нора, протянув к меню руку.

Я просматриваю меню. Точно в насмешку, страница напичкана словечками типа «крок-месье» или «пом».

– Да все, кроме гамбургера.

Нора у нас – дипломированная повариха. И она наверняка уже решила, что я полный кретин. Впрочем, по ней этого не скажешь. Обычное расслабленное лицо и губы, такие полные, розоватые. Вот она смотрит на меня и облизывается. Надо скорей отвернуться, пока я окончательно не ополоумел.

– Знаешь, все не так страшно, как кажется. Любят они мудреные словечки. Назови бутерброд бутербродом, так никто его и не купит. А так можно двадцать долларов лишних содрать. Бизнес! Ну вот, к примеру. – Она указывает пальчиком на «крок». – Это и есть сэндвич с сыром и ветчиной. А пом-фрит, – она фиксирует взгляд на моем лице, – простая картошка.

Или я дико проголодался, или Нора нереально аппетитно рассказывает. Она чертовски умна. Не то что я… Даже взгрустнулось.

– Впрочем, гамбургер у них тоже стоящий. Бери. Я еще кое-что закажу, хочется тебя угостить. Только не ищи эти блюда в меню, у них названия гадкие. – Улыбнувшись, она замечает, как я переменился в лице. – Да не бойся, я не заставлю тебя переступать черту, – говорит, нежно ткнув пальцем мне в кончик носа.

Откуда взялось это тыканье? И почему мне так здорово?

Приходит Айрин, симпатичная официантка с темной помадой и испанским акцентом. Она принимает заказ, благо Нора решила сделать заказ за меня. У нее так умильно меняется речь, приобретая легкий журчащий акцент… Я

растворяюсь в волшебных звуках, сижу и внимаю. Наконец, официантка уходит.

– Ты бывал во Франции? – Нора рассматривает зал, декорированный французскими мотивами.

Мне остается лишь покачать головой. Бывал ли я во Франции?.. Как будто спросила, бывал ли я в булочной на углу.

– Ни разу. А ты? – предательски дрогнул голос.

Ну почему нельзя, как все люди, разговаривать ровным тоном, словно я совершенно спокоен?

– Два раза. Родители брали нас в отпуск. Проехались по обычным туристическим маршрутам, поглазели. А мне бы хотелось почувствовать настоящую Францию, увидеть, как люди живут. Куда они ходят, чем дышат. А не просто отдать тридцать долларов и посмотреть на светящуюся в темноте статую Башни… Ох, что-то я разболталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/anna-todd/nikak-ne-men-she

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить